

Законъ о старообрядческихъ общинахъ въ связи съ отношеніемъ Церкви и Государства.

(Продолженіе).

II.

Церковное начало, какъ составная часть христіанства. Свободное вступленіе и пребываніе, какъ свойства церковнаго общенія. Сознаніе этого разными представителями Церкви. Отношеніе Церкви къ отвергающимъ ее. Христіанское происхожденіе начала свободы совѣсти и его основныя черты. Различіе природы общеній церковнаго и государственнаго не есть ихъ противоположеніе. Отношенія государства къ Церкви, вызываемыя его природой и культурными задачами. Разрѣшеніе этого вопроса для Россіи. Принципъ Господствующей Церкви. Возраженія противъ него со стороны англійскаго либерализма, какъ образецъ такихъ возраженій. Отношеніе этого принципа, къ принципу свободы совѣсти.

Уже ради сохраненія непрерывности развитія русскаго государства новое законодательство должно принимать во вниманіе исторически сложившееся въ немъ положеніе Православной Церкви. Поддержаніе извѣстныхъ отношеній съ Церковью необходимо для государства уже для того, чтобы оно не потеряло связи съ христіанствомъ.

Въ составъ христіанства, какъ показываетъ изученіе его природы, кромѣ личнаго входитъ и начало общественное. Задачи христіанства отнюдь не сводились къ тому, чтобы лишь привлечь къ нему какъ можно больше людей и оставить ихъ замкнутыми въ новой жизни. Каждый человѣкъ долженъ былъ еще сдѣлаться живымъ членомъ того коллективнаго цѣлаго, которое образовалось на основѣ нравственно-духовнаго отношенія къ Спасителю изъ апостоловъ и первыхъ учениковъ, существуетъ уже на протяженіи вѣковъ.

и называется Церковью. Необходимость такого общенія, какъ Церковь, вызвана свойствами человѣческой природы и особенностями самого христіанства.

Еще древніе убѣдились, что человѣкъ есть существо общественное. Только въ союзѣ съ другими людьми онъ можетъ достигать своего назначенія. Предоставленный самому себѣ человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ оказывается слабъ и беззащитенъ. Соединенный же съ подобными себѣ человѣкъ становится силенъ и неодолимъ. Многимъ приходилось, вѣроятно, замѣчать, какъ тяготѣть надъ человѣкомъ общество и насколько одинокимъ и беспомощнымъ чувствуетъ онъ себя передъ нимъ. Единеніе съ хорошимъ обществомъ возвышаетъ человѣка и помогаетъ ему въ выполненіи задачъ жизни. Все это остается вполне справедливымъ и по отношенію къ области религіозной жизни.

Сфера религіозной жизни не есть обычная, подобная всякой другой. Здѣсь человѣческая душа соприкасается съ безконечностью и находитъ путь къ міровому идеалу жизни. Человѣкъ, предоставленный въ этой области самому себѣ, оказывается слабымъ и, какъ показываетъ тысячелѣтній опытъ исторіи, можетъ извращать самыя религіозныя потребности и сосредоточивать свое вниманіе на предметахъ и желаніяхъ низкихъ, вызываемыхъ нравственной ненормальностью его природы. Каждый знакомый съ исторіей долженъ знать, до какихъ предѣловъ можетъ доходить въ этомъ отношеніи человѣкъ, вздумавшій сдѣлать самого себя мѣриломъ въ религіозной жизни. Замѣчаніе ап. Павла въ его посланіи къ Римлянамъ (I, 23—25), что люди славу нетлѣннаго Бога измѣнили на образъ, подобный тлѣнному человѣку..., что истину Божью они замѣнили ложью и поклонялись и служили твари вмѣсто Творца, остается справедливымъ для всѣхъ вѣковъ. Все сводится лишь къ тому, что подмѣна понятій о Богѣ и извращеніе идеала жизни въ разное время бываетъ неодинакова, то въ грубой формѣ, то въ болѣе тонкой, для очень многихъ отдѣльныхъ людей часто трудно уловимой. Если нѣкогда люди поклонялись солнцу, звѣздамъ, звѣрямъ, то теперь они готовы почитать за Бога изобрѣтенія своего ума и отвлеченія своей мысли.

Съ другой стороны христіанство отнюдь не представляетъ изъ себя лишь одно высокое ученіе, но заключаетъ въ себѣ

такое духовное богатство жизни, что отдѣльные лица, замкнутые въ себѣ, не могутъ вмѣстить все это, и ввѣрить имъ христіанство значило бы снова потерять его для міра.

Христіанство было передано его Основателемъ цѣлому обществу людей, тѣсно объединенныхъ съ Нимъ и между собой, которое и представило изъ себя, какъ бы первые камни великаго зданія Церкви. Хранительницей вѣчной жизни съ ея высшими идеалами и стремленіями, Спаситель сдѣлалъ Церковь, черезъ которую для cadaго открывается возможность переживать значеніе христіанства настолько живо, глубоко и широко, что каждый человекъ самъ по себѣ не могъ бы достигнуть этого. Въ общеніи съ Церковью человекъ, какъ показываетъ примѣръ великихъ дѣятелей христіанства, можетъ сдѣлаться какъ бы живымъ его сосудомъ и истолкователемъ. Поэтому съ точки зрѣнія христіанства человекъ можетъ удовлетворять свойственнымъ ему религіознымъ потребностямъ не тогда, когда онъ придумываетъ свою религію, а когда находится въ нравственно-духовной связи со всею Церковью, начиная съ первыхъ моментовъ ея бытія. Религіозная сторона человеческой жизни находитъ себѣ воплощеніе вовсе не въ отдѣльныхъ лицахъ, а въ Церкви, какъ одномъ цѣломъ, гдѣ ограниченная природа одного находитъ себѣ расширение и поправку въ цѣломъ. Что превышаетъ силы и способность одного, то является доступнымъ Церкви во всей ея совокупности, какъ единому живому организму Тѣла Христова. Кромѣ того сама Церковь, какъ вполне ясно почти изъ каждой страницы св. Писанія, возникла вовсе не какъ союзъ или общество людей, основанный на соглашеніи человѣческихъ воли и по своему рѣшенію или уполномочію вызвавшій къ жизни въ области Церкви ея характерныя черты. Въ Церкви должна господствовать воля ея Основателя, къ которой людямъ слѣдуетъ приставать, какъ овцамъ къ своему пастырю, положившему за нихъ Свою душу. Такимъ образомъ, въ природѣ Церкви, выражаясь юридическимъ языкомъ, лежитъ кромѣ корпоративнаго и начало институтное. Церковь является также проходящимъ черезъ всѣ вѣка учрежденіемъ для спасенія людей, которое по существу никто измѣнить не можетъ. Если бы даже мы или ангель стали благовѣствовать вамъ, не то, что мы благовѣствовали вамъ, пре-

дупреждаетъ великій дѣятель Церкви, да будетъ анафема (Галат. I, 8).

Все это необходимо имѣть въ виду и людямъ, призваннымъ къ законодательству, которые уже въ интересахъ лучшаго устройства государства должны брать явленія жизни, какъ они происходятъ, а не смотрѣть на нихъ лишь подѣ влияніемъ взглядовъ, навѣянныхъ имъ разными встрѣчными теченіями, нерѣдко сознательно или даже безсознательно искажающими природу явленія.

Кромѣ того законодателямъ слѣдуетъ хорошо помнить, что въ отношеніи къ людямъ Церковь представляетъ изъ себя нравственно-духовный союзъ свободно входящихъ въ нее лицъ. Уже въ силу требованія отъ каждаго быть живымъ ея членомъ, т. е. участвующимъ въ ея общей жизни всѣмъ своимъ существомъ: разумомъ, сердцемъ и волею, очевидно, что принудительныя мѣры къ вступленію въ Церковь и насильственное удержаніе въ ней противорѣчатъ ея природѣ.

Сознаніе этого подѣ разными формами ясно выступаетъ и у извѣстныхъ представителей Церкви первыхъ вѣковъ. Наприм., св. Ириней Ліонскій, жившій во II вѣкѣ, въ своемъ сочиненіи „Пять книгъ противъ ереси“, указывая на слова Спасителя: „сколько разъ я хотѣлъ собрать чадъ твоихъ... и вы не захотѣли“, (Мтѣ. XXIII, 37) разъясняетъ ихъ въ томъ смыслѣ, что человѣкъ сотворенъ свободнымъ и призывается къ добровольному исполненію воли Божіею, а не по принужденію.

У Бога, замѣчаетъ св. Ириней, нѣтъ насилія и Ему всегда присуща благая воля. При свободѣ выбора со стороны человѣка Онъ всѣмъ даетъ благой совѣтъ, чтобы люди, повинующіеся, по справедливости обладали благомъ, которое, хотя и дано Богомъ, но соблюдено или самими... И не только въ дѣлахъ, но и въ вѣрѣ Господь сохраняетъ свободу и самовластіе человѣка, говоря: по вѣрѣ вашей да будетъ вамъ“ (Мтѣ. IX, 29) и друг. ¹⁾

Въ книгѣ „Пастырь Ерма“, относящейся къ началу второго вѣка, Церковь въ видѣніи пастыря изображается подѣ видомъ башни, строящейся изъ разныхъ камней, при чемъ

¹⁾ Сочиненія св. Ириней Ліонскаго Пять книгъ противъ ереси Книга IV гл. 37 въ рус переводѣ Преображенскаго Спб 1895 г.

часть камней разсѣкалась и отбрасывалась далеко отъ башни. Камни эти, по объясненію книги, представляютъ собой людей, которые увѣровали притворно и отъ которыхъ не отступила всякаго рода неправда ¹⁾.

Въ религіи принужденіе неумѣстно, замѣчаетъ христіанскій писатель III вѣка, Лактанцій. Здѣсь надлежитъ дѣйствовать болѣе словами, нежели бичами, чтобы была свобода принять или не принять ее... Мы никого не обольщаемъ, какъ насъ въ этомъ обвиняютъ. Мы только преподаемъ, доказываемъ, объясняемъ наше ученіе. Мы никого противъ воли не удерживаемъ. Въ комъ нѣтъ вѣры и благочестія, тотъ Богу не нуженъ... Нѣтъ ничего свободнѣе религіи и она совершенно уничтожается, какъ скоро приносящій жертву бываетъ къ тому насильно принуждаемъ ²⁾...

Очень характерный случай произошелъ во время IV Вселенскаго Халкидонскаго Собора, на которомъ происходилъ судъ надъ еретикомъ архимандритомъ Евтихіемъ.

По поводу отеческаго исповѣданія двухъ естествъ въ I. Христвъ Евтихій отвѣтилъ членамъ Собора: „Вначалѣ я не говорилъ, а теперь говорю это, потому что ваша святость такъ сказала“... Архіепископъ Флавіанъ не только не одобрилъ подобнаго вышшняго повиновенія, но сейчасъ же высказалъ: „слѣдовательно ты по необходимости, а не добровольно исповѣдуешь истинную вѣру?“ А затѣмъ черезъ нѣкоторое время весь соборъ, вставши, провозгласилъ: „по принужденію нѣтъ вѣры...“ ³⁾

Необходимость сохраненія свободы человѣка въ дѣлѣ принятія христіанства выдвигается многими его великими дѣятелями, наприм., св. Кипріаномъ Карфагенскимъ, св. Афанасіемъ Великимъ св. Григоріемъ Богословомъ, св. Іоанномъ Златоустомъ, св. Исидоромъ Пелусіотомъ и др. „Тайна спасенія, категорически утверждаетъ, наприм., св. Григорій Богословъ, для желающихъ, а не для насильствуемыхъ“... ⁴⁾

¹⁾ Пастырь Ерма. Кн. I Видѣніе 3 Писанія мужей апостольскихъ.

²⁾ Сочиненія Лактанція Ч. I. Божественныя наставленія Книга 5, гл 20 Спб 1848 г.

³⁾ Дѣяніе I: Разсужденія Халкидонскаго Собора и чтеніе актовъ. Дѣянія Вселен. Соборовъ т III. Казань, 1830 г. стр 128—130

⁴⁾ Сочиненія св Григорія Богослова Москва 1889 г ч I. Слово 12 стр 254

Поэтому предстоятелямъ Церкви, по его разъясненію, должно привлекать народъ къ порядку превосходствомъ своей добродѣтели, не силою обуздывать, но доводить до порядка убѣжденіемъ. Все, что дѣлается недобровольно, кромѣ того что оно насильственно и не похвально, еще и непрочно. Вынужденное подобно растенію насильно согнутому руками, какъ скоро бываетъ оставлено на волѣ, обыкновенно возвращается въ свое прежнее положеніе. Напротивъ совершаемое по свободному произволенію, какъ скрѣпляемое узами сердечнаго расположенія, и весьма законно и вмѣстѣ надежно. Поэтому законъ нашъ и самъ Законодатель особенно повелѣваетъ пасти стадо не нуждою, но волею (1 Петр. V, 2) ¹⁾.

Столь же ясно указываетъ на невозможность быть христіаниномъ по принужденію, другой великій представитель Церкви св. Іоаннъ Златоустъ. Слова Спасителя: „Кто жаждетъ, иди ко Мнѣ и пей“ (Іоан. VII, 37), по его разъясненію, означаютъ, что Христосъ никого не влечетъ принужденіемъ и насиліемъ, но кто имѣетъ великое усердіе, кто пламенѣетъ желаніемъ, того Онъ призываетъ ²⁾. „Непозволительно христіанамъ, говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ, ниспровергать заблужденіе принужденіемъ и насиліемъ, но (заповѣдано)—убѣжденіемъ, словомъ и кротостью совершать спасеніе людей“ ³⁾.

Одинъ изъ Карфагенскихъ соборовъ V вѣка прямо отвергаетъ обращеніе къ Церкви тѣхъ послѣдователей донагистскаго раскола, о которыхъ приходится думать, что оно произошло подъ вліяемъ какихъ либо постороннихъ цѣлей „по алканію земныхъ благъ“, какъ отмѣчено соборомъ. ⁴⁾

Во время VII Вселенскаго собора это церковное сознаніе

¹⁾ Тамъ же, Слово 3, стр 20

²⁾ Полное собраніе твореній св. Іоанна Златоустаго, изданіе Петербургской Духовной Академіи, т VIII книга I. Бесѣды на Евангеліе св ап. Іоанна Богослова. Бесѣда II, стр 334 Срав Бесѣда I о предательствѣ Іуды. т. II, кн. I стр 413 Спб 1896 г. и Бесѣды на псалмы т. V, кн I стр. 123 Слб. 1899 г

³⁾ Тамъ же томъ II, книга 2, Слово о св Вавилѣ и противъ Юліана, стр. 577 Спб 1899 г

⁴⁾ Дѣявія девяти помѣстныхъ соборовъ Изданіе Казанской Дух. Академіи Казань 1901 г. Правила Карфагенскаго собора Правило XCIII, а по Книгѣ Правиль 104.

нашло себѣ выраженіе въ 8 правилѣ по поводу притворнаго обращенія въ христіанство евреевъ. Соборъ опредѣлилъ таковыхъ лицъ не принимать ни въ общеніе, ни на молитву, ни въ церковь, но пусть будетъ явно, что они по своему исповѣданію евреи, ни дѣтей ихъ не крестить, ни въ рабы никого изъ нихъ не покупать или не приобрѣтать. Если же кто изъ нихъ обратится чистосердечно и съ искреннею вѣрою и отъ всего сердца будетъ исповѣдывать истинную вѣру, торжественно отвергая еврейскія обычаи и обряды, такового принимать и крестить и дѣтей его и упрочивать ихъ отреченіе отъ еврейскаго образа мыслей. Такимъ образомъ мы видимъ, что Вселенская Церковь не признавала возможнымъ даже крестить дѣтей безъ дѣйствительнаго обращенія родителей 1).

Сравнительно еще недавно въ посланіи Восточныхъ патріарховъ 1723 года съ изложеніемъ православной вѣры, „по тщательномъ изслѣдованіи“ принятомъ на соборѣ 1672 года, именуемомъ Іерусалимскомъ, категорически высказано, что „Вселенская Церковь не принуждаетъ, не дѣлаетъ насилія, но призываетъ, увѣщаетъ, научаетъ тому, что есть въ Писаніи и убѣждаетъ силою Духа“ 2).

Если такова природа Церкви, требующая сознательнаго и свободнаго участія въ церковной жизни, то этимъ почти уже предрѣшается и другой вопросъ, часто выдвигавшійся на протяженіи исторіи, какъ должно относиться къ людямъ, отвергающимъ христіанство или отпавшимъ отъ него. Отдѣльные лица по горячности своей натуры или по свойственной человѣку ограниченности кругозора или по какимъ-либо другимъ видамъ нерѣдко бываютъ склонны въ отношеніяхъ съ такими людьми къ разнаго рода внѣшнимъ мѣрамъ болѣе или менѣе принудительнаго характера.

Подобную горячность, какъ извѣстно, обнаружили однажды и сами апостолы. Жители одного изъ Самарянскихъ селеній, лежащаго на пути въ Іерусалимъ, отказали ученикамъ принять Христа. Двое апостоловъ, оскорбленные за своего Учи-

1) Двѣявія Вселенскихъ Соборовъ, томъ VII, Казань 1891 г. Двѣявіе 8. Церковныя правила.

2) Царскія и патріаршія грамоты объ учрежденіи св. Синода Спб. 1838 г. Посланіе патріарховъ Восточно-кафолической Церкви о православной вѣрѣ стр. 70.

теля, просили разрѣшенія низвести съ неба огонь для наказанія жителей. Но Спаситель запретилъ имъ и сказалъ: „не знаете какого вы духа. Сынъ Человѣческой пришелъ не погублять души человѣческія, а спасать. И пошли въ другое селеніе“. (Лук. IX, 51—56).

Въ другой разъ несоотвѣтствіе духу христіанства употребленія насильственныхъ мѣръ противъ людей въ области нравственно-духовной жизни разъяснено подъ видомъ притчи о человѣкѣ, посѣявшемъ хорошее сѣмя на полѣ своемъ и о появившихся на полѣ плевелахъ. Когда служители предложили вырвать плевелы, то господинъ поля не разрѣшилъ этого, чтобы вмѣстѣ съ плевелами не была выдернута и пшеница, а приказалъ оставить все расти до жатвы. (Мат. XIII, 24—30).

А вотъ, наприм., вполнѣ согласное съ этимъ духомъ заявленіе епископовъ первой Сиріи императору Льву въ половинѣ V вѣка, сохранившееся среди актовъ, относящихся къ IV Вселенскому Халкидонскому Собору. „Мы приедемъ, писали между прочимъ епископы, всѣхъ вообще, кто вмѣстѣ съ нами соблюдаетъ отеческія преданія, а тѣхъ, которые отрицаютъ отеческую истину, осуждаемъ, какъ отлученныхъ, ничего болѣе не желая относительно ихъ ¹⁾).

Отмѣченныя особенности церковнаго общенія опредѣляютъ собой и характерныя черты содержанія принципа свободы религіозной совѣсти. Не лишнее обратить вниманіе, что и самое развитіе понятія свободы религіозной совѣсти обязано христіанству и въ связи съ распространеніемъ христіанства оно выступило впервые во всей глубинѣ и истинномъ содержаніи.

Въ древнемъ языческомъ мірѣ человѣкъ, какъ извѣстно, уничтожался передъ всемогуществомъ государства.

Права государства признавались безпредѣльными и человѣкъ самъ по себѣ не имѣлъ значенія. Самая религія принадлежала къ государственнымъ учрежденіямъ и служила цѣлямъ политическимъ. „Римлянинъ, по замѣчанію одного нѣмецкаго ученаго, былъ религіозенъ изъ патріотизма, а

¹⁾ Посланіе епископовъ первой Сиріи къ императору Льву. Дѣянія Вселенскихъ Соборовъ. Изданіе Казанской Дух. Академіи т. IV, 1878 г. стр. 213.

религіозенъ былъ тотъ, кто переданныхъ предками боговъ почиталъ такъ, какъ принято въ отечествѣ“. Свою религію римляне не считали общеобязательной, исключавшей всѣ другія. Всякое государство, указывалъ наприм., Цицеронъ, имѣетъ свою религію.

При такомъ отношеніи къ религіи вполне понятна готовность римлянъ признавать всякихъ боговъ. „Само собою разумѣется, справедливо замѣчаетъ по этому поводу. Ф. Маассенъ, что эта толерантность, практиковавшаяся римскимъ государствомъ въ отношеніи къ чужимъ культамъ, совершенно различна отъ терпимости, обоснованной въ существѣ христіанства“... Еслибы римлянинъ былъ того мнѣнія, поясняетъ Маассенъ, что его богамъ принадлежитъ исключительное почтеніе, то уваженіе къ свободѣ совѣсти навѣрное, не помѣшало бы ему силою вынудить ихъ почтеніе“ ¹⁾.

Кромѣ того не слѣдуетъ забывать, что въ древнемъ мірѣ господствовалъ политеизмъ, т. е. въ сущности безбожіе. Религія эта состояла въ обоготвореніи природы и породила безчисленное количество чисто національныхъ и мѣстныхъ культовъ. Политеистическіе культы, какъ свидѣлствуютъ историки, мирно уживались и всѣ языческіе боги нашли себѣ наконецъ мѣсто въ римскомъ пантеонѣ, подобно тому, какъ всѣ народы древности вошли въ одинъ политическій организмъ римской имперіи. Помѣщеніе всѣхъ боговъ въ римскій пантеонъ вовсе не было выраженіемъ принципа свободы совѣсти, какъ думаютъ нѣкоторые и чуть ли не ставятъ намъ въ этомъ отношеніи примѣръ римлянъ. Подобное явленіе, по разъясненію русскаго ученаго проф. М. Н. Петрова, возможно было лишь потому, что всѣ политическіе культы покоились на одномъ и томъ же основаніи обоготвореніи природы. Древніе язычники, поклоняясь своимъ богамъ, вовсе не отрицали дѣйствительности боговъ своихъ сосѣдей. Эти боги были для нихъ чужіе, но все же боги ²⁾. У политеистовъ естественно могла зародиться мысль, что чѣмъ большому числу божествъ служиши, тѣмъ увѣрен-

¹⁾ Девять главъ о свободной Церкви. Фридриха Маассена, профессора Вѣнскаго Университета Переводъ съ предисловіемъ проф. Н. С. Суворова. Ярославль 1882 г. Глава III, стр 17 и 18.

²⁾ Проф. П. Н. Петровъ. Лекціи по всемірной исторіи Харьковъ 1888 г. томъ I стр. 3

иѣ себя чувствуешь, тѣмъ меньшая опасность предстоитъ вызвать противъ себя гнѣвъ оставленнаго безъ вниманія бога.

Въ жизни древняго міра, какъ видимъ, даже не было условій для возникновенія того понятія свободы совѣсти, которое имѣемъ теперь мы. Чтобы такое понятіе образовалось и могло оказать свое вліяніе, нужно было сначала измѣнить самый характеръ и ходъ человѣческой исторіи. Это и было сдѣлано христіанствомъ. Вопреки господствовавшимъ понятіямъ и направленію жизни древняго міра христіанство подняло достоинство человѣческой личности, раскрыло великое значеніе духовной природы человѣка и поставило его высоко надъ внѣшнимъ и матеріальнымъ миромъ. Христіанство указало и укрѣпило свободу человѣка въ нравственно-духовной области, а самую область эту установило, какъ нѣчто самостоятельное и возвышающееся надъ человѣкомъ. Оно провозгласило различіе природы кесарева и Божьяго, въ дѣйствительности отдѣлило религію отъ поглощавшаго ее государства, выше закона государственнаго поставило заповѣдь Божию, освободило человѣка отъ всемогущей и уничтожающей его личность власти государства и расширила горизонты его жизни за предѣлы государства.

Вмѣстѣ съ этимъ освобожденнаго такимъ образомъ человѣка христіанство сдѣлало свободнымъ членомъ Церкви, какъ особаго общенія независимаго отъ государства, преслѣдующаго свои собственныя цѣли, почерпающаго свои законы изъ другого источника, указывающаго человѣку необходимый для него путь жизни и представляющаго ему твердую опору въ дѣлѣ религіи.

Въ Церкви впервые свободная человѣческая совѣсть нашла для себя твердую опору и свою собственную область, куда она могла уходить отъ всякихъ принужденій и насилій. Здѣсь человѣкъ сталъ почерпать великую нравственно-духовную силу для отстаиванія правъ свободной совѣсти противъ языческаго міра и всемогущихъ римскихъ императоровъ.

Христіанское начало безусловнаго достоинства человѣческой личности и возможности для нея полной нравственно-духовной свободы, мало-по-малу оказывавшее вліяніе на всѣ сферы жизни, а также раскрытіе христіанствомъ истинной и общеобязательной религіи съ учрежденіемъ для хра-

ненія ея Церкви, какъ самостоятельнаго и независимаго союза, и создали ту почву, на которой прежде всего и выросъ сложный вопросъ о свободѣ совѣсти.

Такимъ образомъ принципъ свободы совѣсти христіанскаго происхожденія и долженъ быть уясняемъ въ связи съ христіанствомъ. Съ одной стороны принципъ этотъ предполагаетъ полную увѣренность въ общеобязательной религіозной истинѣ, побуждающей всюду распространять христіанство и бороться съ человѣческими заблужденіями. Съ другой въ него входитъ признаніе необходимости свободнаго внутренняго принятія христіанства ради заключающейся въ немъ истины, а не по какимъ либо постороннимъ видамъ, и отрицаніе насилія или вообще внѣшнихъ принудительныхъ мѣръ для привлеченія и удержанія въ Церкви.

Но, конечно, изъ христіанскаго принципа свободы совѣсти вовсе не слѣдуетъ, чтобы христіане должны были какъ-либо способствовать развитію и укрѣпленію въ мірѣ разнаго рода религіозныхъ ученій и вѣръ, придумываемыхъ или извращаемыхъ самимъ человѣкомъ. Это значило бы стать въ противорѣчіе съ дѣломъ христіанства на землѣ.

Итакъ Церковь представляетъ изъ себя самостоятельное общеніе, отличное отъ государства и независимое отъ него. Церковь не связана съ какими-либо формами государственнаго устройства и развивалась даже вопреки воли государства при страшныхъ отъ него гоненіяхъ.

Указаніе на различіе природы общеній церковнаго и государственнаго справедливо усматриваютъ въ словахъ Спасителя: „отдавайте кесарево—кесарю, а Божіе—Богу (Мат. XXII, 21). Разграниченіе этихъ двухъ понятій было необходимо для лучшаго ихъ уясненія, но разграниченіе еще не тождественно съ противоположеніемъ понятій. Изъ словъ Спасителя вовсе не вытекаетъ, какъ теперь стараются утверждать многіе, чтобы государство признавалось христіанствомъ, какъ нѣчто противоположное Богу и съ своей стороны не обязанное свойственнымъ ему образомъ способствовать осуществленію на землѣ—задачъ христіанскихъ. Нельзя же допустить, чтобы въ то время какъ Церковь стремится вести людей къ единенію со Христомъ, государство могло направлять ихъ къ антихристу. Христіанство есть законъ жизни, имѣющій значеніе не только для лицъ частныхъ, но и для цѣлыхъ на-

родовъ и государствъ. Передъ сознаніемъ государства какъ и Церкви долженъ стоять Богъ, какъ верховное начало всего, какъ солнце, которое освѣщаетъ и осмысливаетъ жизнь того и другого. По христіанскому ученію, выраженному св. ап. Павломъ, государство въ лицѣ своихъ органовъ имѣетъ цѣлью служить къ поддержанію добра и особенно путемъ обузданія столь распространеннаго въ мірѣ зла, и въ этомъ отношеніи справедливаго представителя власти апостолъ прямо называетъ Божиимъ служителемъ (Рим. XIII, 2—6).

Какъ для проявленія въ мірѣ духа нужно тѣло, такъ и для осуществленія въ мірѣ высшихъ духовныхъ цѣлей человѣчества, необходима матеріальная возможность къ этому. Доставка этой матеріальной возможности и огражденіе ея отъ покушеній на нее со стороны злыхъ силъ, дѣйствующихъ въ мірѣ, и лежитъ на государствѣ.

Другими словами государство должно создать возможно благоприятныя внѣшнія условія для жизни Церкви и для духовнаго развитія человѣка, опредѣляемаго и направляемаго Церковью.

Цѣли государства отнюдь не исчерпываются лишь охранительной дѣятельностью, напримѣръ поддержаніемъ извѣстнаго общественнаго порядка и преслѣдованіемъ его нарушителей. Государство имѣетъ болѣе широкія и положительныя задачи. По современному пониманію, оно есть Kultur-Staat. Кромѣ заботъ о самосохраненіи, безопасности и развитіи могущества, преобразованія и защиты права, въ число задачъ государства входитъ и содѣйствіе культурнымъ интересамъ ¹⁾. По выраженію нѣмецкаго ученаго Waitz'a, государство есть учрежденіе для реализаціи этическихъ жизненныхъ цѣлей человѣка, поскольку она совершается въ совмѣстной жизни людей, объединенныхъ по народностямъ ²⁾.

Если развитіе физическихъ и духовныхъ силъ, замѣчаетъ, наприм., другой нѣмецкій ученый Карлъ Цахаріэ, считать назначеніемъ человѣка въ теченіе его земнаго существованія, то государство представляетъ, если не самое дѣйствительное, то по крайней мѣрѣ одно изъ самыхъ дѣйствитель-

¹⁾ Георгъ Еллинекъ. Профессоръ Гейдельбергскаго Университета. *Право современнаго государства*. т. I Глава VIII стр. 169. Сиб. 1903 г.

²⁾ Тамъ же стр. 190.

ныхъ средствъ, чтобы побуждать и понуждать людей къ выполнению этого назначенія. „Государства, слѣдовательно, суть воспитательныя учрежденія, учрежденія для культуры и цивилизаціи рода человѣческаго“¹⁾.

Современное государство претендуетъ на удовлетвореніе всѣхъ потребностей цивилизованнаго общества. Не ограничиваясь лишь подавленіемъ зла, оно стремится возможнымъ для него образомъ содѣйствовать и осуществленію добра. Государство считаетъ, наприм., своею непремѣнною обязанностью способствовать процвѣтанію наукъ и искусствъ, распространять въ народѣ образованіе и т. п. Оно устраиваетъ школы, университеты, музеи, академіи художествъ, театры и т. д., и вообще значительную часть бюджета тратитъ на просвѣтительныя цѣли. Достиженіе этихъ цѣлей признается столь важнымъ для блага населенія, что государство старается, наприм., вводить даже обязательное обученіе.

При такой роли государства его нельзя разсматривать лишь какъ представителя однихъ матеріальныхъ интересовъ. Если государство вздумало бы удовлетвориться такой узкой и низшей задачей, то вѣдь оно само себя лишило бы духовной силы и связи и отрѣшилось бы отъ достаточнаго единенія съ народомъ, который вообще, особенно же въ лицѣ своихъ высшихъ представителей, не живетъ одними матеріальными интересами.

Если государство такимъ образомъ должно преслѣдовать культурныя цѣли и заботиться о духовныхъ интересахъ народа, то уже въ силу этого передъ нимъ выступаетъ вопросъ объ отношеніи его къ христіанству. Христіанство по своему существу и, какъ засвидѣтельствовано исторіей, помимо всего другаго является великой культурной силой, способной оказывать самое благотворное вліяніе на человѣческую личность, возвышать ее достоинство и возводить на свойственную ей высшую ступень жизни.

Современная человѣческая культура сложилась подъ большимъ воздѣйствіемъ христіанства. Несмотря даже на разныя враждебныя христіанству тенденціи, въ ней все же остается много основныхъ чертъ, несущихъ на себѣ печать христіан-

¹⁾ Vierzig Bücher vom Staat. B. I, стр. 156 Гейдельбергъ. Исторія общаго государственнаго права и политики. I. К. Влунчли. гл. XVIII.

скаго происхожденія, выкинуть которыя культура не можетъ, не отказавшись отъ самой себя. Для примѣра достаточно вспомнить столь привлекающее къ себѣ въ настоящее время вниманіе представителей юридической науки и многихъ политическихъ партій признаніе, что каждый, въ качествѣ человѣка, имѣетъ права, которыя обязательно уважать и само государство.

Эта идея, по разъясненію Э. Лабулэ, есть чисто христіанская, которую язычество даже и не подозрѣвало. „Въ настоящее время эта идея составляетъ основу нашей цивилизаціи“¹⁾.

Мысль о безконечномъ достоинствѣ человѣка и его личности, по утверженію русскаго ученаго К. Д. Кавелина, впервые возникла въ христіанствѣ. вмѣстѣ съ нимъ она рано или поздно должна была перейти и въ міръ гражданскій. Оттого признаніе этого достоинства, возможное нравственное и умственное развитіе человѣка сдѣлались, по выраженію Кавелина, лозунгами всей новой исторіи, главными точками или центрами, около которыхъ она вертится... „Для всѣхъ народовъ новаго христіанскаго міра—одна цѣль: безусловное признаніе достоинства человѣка, и всестороннее его развитіе“²⁾.

Исслѣдователи въ области исторіи гражданскаго права приходятъ къ выводу, что съ признаніемъ христіанства римскимъ государствомъ въ законодательствѣ его обнаруживается стремленіе возвысить человѣка матеріальнаго въ достоинство существа нравственнаго и въ зависимости отъ этого производить измѣненія и въ его гражданскихъ правахъ³⁾.

Выше мы указывали, что и самое начало свободы совѣсти, которымъ часто такъ гордится современная культура, возникло съ появленіемъ христіанства.

Поэтому отверженіе христіанства со стороны государства

¹⁾ Эдуардъ Лабулэ. Проф. Collège de France Государство и его предѣлы Спб. 1867 г., стр. 93.

²⁾ Собраніе сочиненій К. Д. Кавелина, т. I. Спб. 1897 г. Взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи, стр. 15

³⁾ De l'influence du Christianisme sur le droit civil des Romains Par M. Troplong, President du Senat, Membre de l'Institut Paris Partie I Chap V, стр. 168

напоминало бы людей, начавших рубить дерево, на которомъ они пріютились и соками котораго могли бы питаться.

Кромѣ того государство уже въ силу служенія культурнымъ интересамъ не можетъ пренебрегать нравственными началами. Сознаніе этого заставило одного изъ представителей науки государственнаго права, покойнаго проф. Петербургскаго Университета А. Д. Градовскаго прямо высказать, что государства и общества, не преслѣдующія никакихъ нравственныхъ цѣлей, очевидно, близки къ гибели, что „служеніе высшимъ нравственнымъ началамъ,—вотъ законъ отъ исполненія котораго не можетъ уклониться самое могущественное правительство“¹⁾.

Не слѣдуетъ, конечно, думать, что преслѣдованіе государствомъ нравственныхъ цѣлей могло бы замѣнить собой личное выполненіе нравственныхъ требованій его гражданами или что государство должно принуждать къ этому своихъ гражданъ. Это значило бы въ корнѣ отрицать самую нравственность, къ выполненію которой призванъ человѣкъ и которая достигается свободной дѣятельностью его воли.

Государство призывается къ осуществленію нравственности въ свойственной ему области попеченія объ общихъ интересахъ. Дѣйствія его по современному пониманію должны начинаться тамъ, гдѣ кончается дѣятельность частная. Въ отдѣльныхъ людяхъ, какъ свидѣтельствуеетъ жизнь, нравственные начала легко затемняются, а то и вовсе искажаются подъ вліяніемъ эгоизма. Еслибы храненіе нравственныхъ требованій предоставить на волю cadaго, то въ общественномъ сознаніи скоро могла бы произойти невѣроятная путаница самыхъ основныхъ понятій.

Государство же не является лишь выраженіемъ личныхъ свойствъ своего населенія и его цѣль не слагается изъ совокупности цѣлей принадлежащихъ къ нему въ данное время людей. Въ государствѣ могутъ выдѣляться и пріобрѣтать великое значеніе нѣкоторыя общія цѣли, наприм., общенациональныя, и подчинять себѣ и правительство и народъ. Поэтому государство, какъ одно цѣлое, можетъ ставить передъ собой извѣстныя нравственныя начала при устроеніи и управ-

¹⁾ А. Д. Градовскій. Собраніе сочиненій т. III. Государство и прогрессъ, стр. 78—79. Спб 1899 г

леніи общей жизнью, и это можетъ быть тѣмъ необходимымъ для государства, что каждаго человѣка нельзя принудить быть нравственнымъ.

По разъясненію А. Д. Градовскаго, государство, стоящее внѣ и выше борьбы разнообразныхъ интересовъ по самому своему положенію является представителемъ высшаго нравственнаго порядка. Оно одно возводитъ предписанія нравственности на степень положительнаго закона, но возлагаетъ исполненіе ихъ не на частныхъ лицъ,—потому что принужденіе и угроза, подѣ влияніемъ которыхъ они только и могли бы исполняться, унижали бы значеніе нравственнаго закона свободы,—а на свои органы. Государство, наприм., не возлагаетъ на людей обязанности помогать слабымъ и бѣднымъ. Оно требуетъ отъ нихъ только формальной справедливости, потому что одного этого можно требовать подѣ страхомъ наказанія ¹⁾.

Подобнымъ путемъ государство и можетъ среди измѣнчивыхъ взглядовъ и низкихъ стремленій отдѣльныхъ лицъ поддерживать въ общественномъ сознаніи извѣстный уровень нравственныхъ требованій, принимая ихъ во вниманіе въ своемъ законодательствѣ и управленіи, безъ сомнѣнія способныхъ оказывать влияніе на всю жизнь населенія.

Но если государство не претендуетъ на роль верховнаго начала во всѣхъ сферахъ жизни, если оно хорошо видитъ свой предѣлъ относительно осуществленія его гражданами нравственныхъ требованій и можетъ лишь формально поддерживать эти требованія, то возникаютъ естественные вопросы, насколько правильны и обязательны принятыя государствомъ нравственные требованія и насколько достаточны они по себѣ.

Отвѣтомъ на первый вопросъ могутъ служить слова А. Д. Градовскаго, много поработавшаго въ наукѣ о государствѣ. Ни одна сфера, говоритъ онъ, не нуждается такъ въ правилахъ, не созданныхъ личною дѣятельностью каждаго человѣка, какъ именно сфера нравственности. Оставленная на произволъ личности, нравственность никогда не достигаетъ той общности, которая дѣлаетъ ее необходимымъ условіемъ общежитія... Предоставленная личному усмотрѣнію нравст-

¹⁾ Собраніе сочиненій т. III Тамъ же стр. 79.

венность невольно извращается, прилаживается ко вкусу всѣхъ и cadaго и въ заключеніе совершенно исчезаетъ изъ общества, оставляя за собою пустоту и разслабленіе всѣхъ связей. „Болѣе чѣмъ какое-нибудь ученіе, нравственность нуждается въ категорическихъ предписаніяхъ, непоколебимыхъ началахъ, установленныхъ помимо всякаго индивидуальнаго вмѣшательства.“ „Здѣсь, утверждаетъ Градовскій, великое значеніе религіи“¹⁾.

Къ этимъ соображеніямъ нужно только добавить, что требуемая существомъ нравственности правила не могутъ быть созданы не только дѣятельностью отдѣльнаго человѣка, но и самого государства.

Въ этомъ отношеніи государство должно обратиться за помощью къ христіанству. Христіанство какъ разъ и установило непоколебимыя начала нравственности, соотвѣтствующія потребностямъ человѣческой природы и высоко поднимающія нравственное значеніе людей.

По вопросу о достаточности для жизни народа проведенія нравственныхъ началъ, которое доступно государству, не трудно понять, что это проведеніе можетъ имѣть лишь вспомогательное значеніе. Государство можетъ создавать лишь болѣе благоприятныя условія и формы для осуществленія человѣкомъ нравственныхъ цѣлей, и дѣятельность его въ этомъ отношеніи не можетъ итти далѣе проведенія въ законодательство и управленіе формальныхъ нравственныхъ требованій. Конечно, формальныя требованія нравственности со стороны государства, способны оказывать вліяніе на общественное сознаніе, лучше, чѣмъ поощренія безнравственности, но выполненіе ихъ въ жизни народа еще далеко не гарантируетъ процвѣтеніе его нравственности. Напротивъ самимъ закономъ во многомъ приходится искать опоры въ нравахъ.

Quid possunt leges sine moribus? (Что могутъ законы безъ нравовъ)? — замѣчалъ еще древній римскій историкъ Тацитъ.

Въ самыя громкія и высокія формальныя требованія можно вкладывать разное нравственное содержаніе и пользоваться ими съ неодинаковымъ внутреннимъ настроеніемъ, въ которомъ могутъ обнаруживаться разныя цѣли.

Ужъ не велико-ли наприим., стремленіе раздать все свое

¹⁾ Собраніе сочиненій. т. III. Государство и прогрессъ, стр. 17.

имѣніе бѣднымъ, или отдать себя на мученіе, и однако всѣ подобныя на первый взглядъ вызывающіе наше удивленіе поступки могутъ оказаться ничего не стоящими въ нравственномъ отношеніи, если они не будутъ сопровождаться и необходимымъ настроеніемъ человѣка ¹⁾).

Вспомнимъ затѣмъ громкіе законодательные принципы: „свобода, равенство и братство“, которые во Франціи написаны даже на монетахъ. Оказывается, они уживаются въ дѣйствительности съ низкимъ уровнемъ нравственности и не препятствуютъ самому дурному взаимоотношенію людей. Всѣ эти формальные принципы безъ соответствующаго имъ конкретнаго реального образа могутъ наполняться произвольнымъ содержаніемъ и обыкновенно вмнуждаютъ законодателя къ разнаго рода ограниченіямъ.

Вотъ почему, — кстати сказать, — невозможно и даже опасно управлять государствомъ и устанавливать права гражданъ посредствомъ провозглашенія однихъ принциповъ безъ ясныхъ законовъ, которые сейчасъ же облекали бы эти принципы плотью и кровью опредѣленныхъ правилъ и порядковъ и тѣмъ устраняли бы возможность каждому понимать принципы по своему.

Свобода, наприм., объявленная въ видѣ принципа, на практикѣ легко обращается въ свободу дѣланія зла, такъ какъ много людей болѣе или менѣе заражены именно зломъ, и на этомъ сосредоточиваютъ свои помыслы и желанія. Равенство въ правахъ политическихъ нисколько не мѣшаетъ одновременному установленію часто еще болѣе тягостной зависимости экономической, которая легко можетъ обращать въ свою пользу и самыя права другихъ. Провозглашеніе равенства, какъ отвлеченнаго законодательнаго принципа, безъ указанія его нравственно-духовнаго содержанія можетъ способствовать закрѣпленію въ народныхъ массахъ все болѣе и болѣе обнаруживающейся у нихъ склонности уравнивать значеніе для общественной жизни умныхъ и глупыхъ, образованныхъ и невѣждъ, людей высокой жизни съ средними и даже дурными, и вызывать у лицъ невѣжественныхъ и ничтожныхъ разныя претензіи, вредныя для самой же государственной жизни.

¹⁾ 1 посланіе къ Кориинтянамъ XIII, 3 срав. Мте. VII, 1.

Братство, выставленное лишь какъ формальное требованіе, не менѣе ясно свидѣтельствуесть о недостаточности его для нравственной жизни человѣка. Задача нравственнаго закона превратить людей черезъ свободное его осуществленіе въ братьевъ. Были бы братья, не разъ говорилъ Достоевскій, будетъ и братство. Внѣшними предписаніями всего менѣе можно создать среди людей братство. Между тѣмъ у многихъ къ этому формальному требованію легко примѣшиваются разныя и даже противорѣчащія ему побужденія, и они готовы надѣлать себѣ братьевъ всякаго рода внѣшними мѣрами и устраивать братство путемъ принужденій и даже насилій. Такимъ способомъ, конечно, не только не достигается исполненіе нравственнаго закона, но и нарушается одно изъ неотъемлемыхъ правъ человѣка—свобода его въ нравственно-духовной жизни.

Государству, какъ видимъ, въ интересахъ своихъ культурныхъ цѣлей въ области нравственности, нужно искать помощи,—но у кого-же?—Едва-ли можетъ быть сомнѣніе, что тамъ, гдѣ не только открыты безусловныя и для всѣхъ людей въ силу ихъ природы обязательныя требованія нравственности, но и данъ конкретный ея идеалъ, воплощенный въ живой человѣческой Личности, зажигающій въ душахъ людей свободное стремленіе къ добру, т. е. у христіанства. Но Христіанство устанавливаетъ не одну нравственность, а и религію, разъ навсегда показавши міру, что соответствующая человѣческой природѣ нравственность можетъ покоиться лишь на религіозной основѣ, что нравственная и религіозная жизнь человѣка тѣсно переплетаются, взаимно обосновываются и дополняются.

Такимъ образомъ уже извѣстное отношеніе государства къ нравственной жизни народа заставляетъ государство стать въ извѣстное отношеніе и къ его религіи.

Наконецъ и помимо этихъ соображеній государство, поставившее себѣ задачей содѣйствіе удовлетворенію духовныхъ потребностей народа, не можетъ игнорировать религію, какъ удовлетворяющую духовнымъ интересамъ. Необходимость извѣстнаго отношенія государства къ религіи именно на такомъ основаніи вполне сознается, наприм., и Б. Н. Чичеринымъ. Изъ всѣхъ духовныхъ интересовъ человѣка, замѣчаетъ онъ въ своемъ „Курсѣ государственной науки“, рели-

гия есть тотъ, который является наиболѣе могущественнымъ факторомъ общественной жизни. Она имѣетъ самое сильное вліяніе на массы. Въ исторіи она производила самые глубокіе перевороты. Появленіе христіанства было поворотною точкой въ исторіи человѣчества ¹⁾.

Государство, обнимающее собой всѣ общественные интересы, не можетъ, по убѣжденію Б. Н. Чичерина, оставаться чуждымъ одному изъ важнѣйшихъ положительныхъ интересовъ для огромной массы гражданъ, какой составляетъ религія, и должно содѣйствовать его удовлетворенію ²⁾.

Вспомнимъ, затѣмъ, свидѣтельства такихъ лицъ, какъ

¹⁾ Курсъ государственной науки. Часть II, Соціологія Москва 1896 г. Книга IV, гл. I, стр. 228.

Въ дополненіе къ этому современнымъ общественнымъ дѣятелямъ очень полезно всегда имѣть въ виду и другія соображенія о значеніи религіи, высказываемыя такимъ серьезнымъ ученымъ и очень образованнымъ человѣкомъ, какимъ былъ Б. Н. Чичеринъ. „Разсматривая религію въ ея совокупности, пишетъ Чичеринъ, мы должны прежде всего признать, что она отвѣчаетъ кореннымъ потребностямъ человѣческой души. Всеобщность этого явленія, всеохватывающая мощь религиозныхъ движеній, ихъ вліяніе на судьбы человѣчества, показываютъ, что религія есть духовная сила, коронящаяся въ глубочайшихъ основахъ человѣческаго существа. И это вліяніе не ограничивается низшими слоями, непричастными образованію. Оно охватываетъ и просвѣщенныя классы. Оно покоряетъ самые сильные умы Христіанство явилось среди высокой культуры греко-римскаго міра, когда человѣческой умъ во всѣхъ отрасляхъ проявлялъ свою пытливую дѣятельность, когда искусство стояло на недосыгаемой доселѣ степени совершенства, когда процвѣтали философскія школы самыхъ разнообразныхъ направленій, отъ высокаго идеализма Платона и Аристотеля до чистаго матеріализма Эпикурейцевъ. И не только униженныя и угнетенныя массы жадно воспринимали слово обѣтованія: ему смиренно внимали самые гордые цари; ему подчинялись величайшіе умы, извѣдавшіе всю глубину знанія и мысли, какъ, напри- мѣръ, Бл. Августина. И въ новое время глубочайшіе мыслители, гении, двигавшіе науку и раскрывавшіе всеобъемлющіе законы природы, какъ Паскаль, Ньютонъ, Лейбницъ, Шеллингъ, были вмѣстѣ и глубоко религиозные люди. Отецъ эмпирической философіи новаго времени, Бэконъ, говорилъ, что немного философія отвращаетъ отъ религіи, а болѣе основательная философія возвращаетъ къ религіи. При такихъ фактахъ, замѣчаетъ Чичеринъ, видѣть въ религіи лишь „плодъ невѣжества или отжившій предразсудокъ можно только при крайне поверхностномъ взглядѣ на вещи“. (Курсъ государственной науки, часть II, книга IV, гл. I, стр. 228—229, Москва 1896 г.)

²⁾ Тамъ же. Часть I, Книга III, гл. VII стр. 280

Достоевскаго, А. С. Хомякова, И. С. Аксакова, Л. Н. Толстого и друг., о тѣсной связи русскаго народа съ высшими духовными цѣлями жизни.

„Жить—Богу служить“,—цѣлье вѣка твердитъ русскій народъ. И пренебреженіе этими интересами со стороны государства было бы не только извращеніемъ соотвѣтствующей русскому духу культуры, но и легкомысленной ошибкой. Наука государственнаго права въ лицѣ, наприм., извѣстнаго въ наше время ученаго Еллинекъ, считаетъ очевиднымъ существованіе тѣсной связи попеченія о духовныхъ интересахъ народа съ цѣлью могущества государства ¹⁾.

Кромѣ того Б. Н. Чичеринъ справедливо указываетъ, что религія представляетъ для государства не только одинъ изъ общихъ интересовъ народа, которымъ оно призвано содѣйствовать, но имѣетъ для него и высшее значеніе. Церковь вмѣстѣ съ тѣмъ руководитъ совѣстью, если не всѣхъ, то значительной части гражданъ, а это составляетъ для государства дѣло первостепенной важности. Государство само требуетъ повиновенія во имя нравственнаго закона. Оно не только принуждаетъ, но обращается и къ совѣсти гражданъ“. Поэтому для него очень важно, чтобы совѣсть эта не подчинялась власти ему враждебной, которая уничтожала бы нравственное отношеніе гражданъ къ государству, и свободное ихъ повиновеніе, чтобы на долю свѣтской власти не осталась одна только внѣшняя принудительная сила, которая составляетъ слишкомъ недостаточную опору общественнаго порядка ²⁾.

Величайшій государственный человѣкъ XIX вѣка князь Бисмаркъ въ своей рѣчи въ Прусскомъ Соединенномъ Лантагѣ 15 Іюня 1847 года между прочимъ высказалъ: „Я держусь того мнѣнія, что понятіе христіанскаго государства такъ же древне, какъ *si devant* священной римской имперіи, такъ же древне, какъ всѣ европейскія государства“. На этой почвѣ эти государства и пустили свои корни, и всякое государство, если оно думаетъ обезпечить продолженіе своего бытія, если оно думаетъ доказать право на существованіе въ случаѣ, если оно будетъ оспариваться, должно

1) Право современнаго государства, т. I, стр. 166

2) Курсъ государственной науки ч. I, стр. 281

покоиться на религіозномъ началѣ. Для меня слова: „Божьей милостью“, которыя усвояютъ своему имени христіанскіе государи, вовсе не пустой звукъ, но я вижу въ этомъ признаніе, что князья на землѣ носятъ скипетръ, данный имъ Богомъ, по волѣ Божіей. Божіей же волей я могу признавать только то, что открыто въ Христовомъ Евангеліи... Если признавать вообще религіозную основу государства, то я думаю, что этой основой для насъ можетъ быть только христіанство. Если мы отнимемъ эту основу у государства, то мы получаемъ въ видѣ государства ничто иное, какъ случайный агрегатъ правъ, родъ бастиона (Bollwerk) противъ войны всѣхъ со всѣми, которую установила древняя философія. Законодательство его не будетъ болѣе происходить изъ источника вѣчной истины, но изъ неопредѣленнаго понятія гуманности, какимъ оно образовалось въ умахъ лицъ стоящихъ во главѣ“ ¹⁾.

Какъ глубоко вѣрно это замѣчаніе опытнаго въ государственной жизни человѣка, что съ отверженіемъ христіанства государство обращается въ простой агрегатъ правъ, изъ котораго каждому естественно хочется получить ихъ какъ можно больше, и что государству остается руководиться лишь неопредѣленнымъ и субъективнымъ понятіемъ гуманности, да еще составленнымъ себѣ лицами, случайно стоящими во главѣ! Историческій опытъ жизни народовъ уже достаточно показалъ, что неопредѣленныя понятія гуманности способны вырождаться въ сознаніи людей въ нѣчто очень уродливое, отрицающее самую гуманность, и во всякомъ случаѣ они въ теченіемъ времени все болѣе и болѣе расплываются и обезцвѣчиваются, обращаясь въ одни отвлеченныя положенія и формальныя понятія, въ которыя разные люди начинаютъ вкладывать различное нравственное содержаніе. Это очень ненадежная почва для правильнаго развитія государственной жизни. Она не даетъ достаточно твердой опоры для государственной дѣятельности. На ней легко вырастаетъ то, что анархисты хорошо называютъ „дряблымъ либерализмомъ“, и что, по своей духовной ничтожности, должно уступить мѣсто ихъ ученіямъ.

¹⁾ Martens W Die Beziehungen. . zwischen Kirche und Staat. Stuttgart. 1877 г. Abschn. III, стр. 327—328.

Хорошей иллюстраціей къ этому можетъ служить недавній случай въ странѣ „свободы, равенства и братства.“ Одинъ изъ апашей, отъ которыхъ въ Парижѣ скоро станетъ невыносимо жить, убилъ агента полиціи Derau. Апашъ этотъ былъ арестованъ полиціей за преступленіе и приговоренъ къ тюремному заключенію. Выпущенный на дняхъ изъ тюрьмы, по отбытіи наказанія, апашъ мстилъ теперь полиціи за свой арестъ. Самимъ агентамъ полиціи во избѣжаніе злоупотребленій воспрещается дѣйствовать оружіемъ, и они могутъ стрѣлять только въ воздухъ, чѣмъ, конечно, и пользуются парижскіе разбойники. Само собой разумѣется, убитому, какъ жертвѣ долга, были устроены торжественныя похороны, на которыхъ изъ сочувствія къ покойному и, вѣроятно, въ качествѣ также протеста противъ поведенія парижскихъ апашей, приняли участіе представители разныхъ властей, не исключая и высшей государственной.

Президентъ Муниципальнаго совѣта М. Ernest Caron, принадлежащій къ радикаламъ и социалистамъ, между прочимъ высказалъ въ своей рѣчи, что въ настоящее время представляетъ опасность все болѣе и болѣе растущее число преступленій, совершаемыхъ почти безъ исключенія очень молодыми людьми, и общество, несмотря на сдѣланныя величайшія усилія для нравственнаго улучшенія массъ, съ каждымъ днемъ все далѣе и далѣе удаляется отъ поставленной имъ цѣли. Въ качествѣ противодѣйствія такому положенію дѣль Caron указывалъ что особенно нужно не допускать овладѣвать нами, такъ называемымъ, гуманитарнымъ доктринамъ, которыя только расслабляютъ всякую энергію и болѣе опасны, чѣмъ сами злодѣи ¹⁾.

1) „Mais, ce qui importe surtout, c'est de ne pas nous laisser envahir par ces doctrines soi-disant humanitaires, qui n'aboutissent qu'à énerver toutes les énergies et sont plus pernicieuses que les malfaiteurs eux-mêmes“

Les obsèques de Derau. „Le Figaro“, „Le journal“ и друг. 13 janvier 1910 ap. Даже такой журналъ, какъ L'Action, руководимый M Henry Beranger, представителемъ, такъ называемыхъ, свободныхъ мыслителей, приглашаетъ къ самымъ энергичнымъ мѣрамъ, чтобы положить коонецъ скрытой анархіи. Распространеніе вредныхъ бандъ, заражающихъ большіе города, онъ также ставитъ въ связь съ двусмысленной гуманитарной сентиментальностью и лишь считаетъ ее послѣднимъ наслѣдствомъ отживающихъ религій. Но въ послѣднемъ соображеніи Беранже, очевидно,

Таково признаніе человѣка, котораго привелъ къ нему опытъ жизни и котораго теоретическіе партійные взгляды должны были мало располагать къ подобнымъ соображеніямъ.

Кромѣ того разрывъ съ христіанствомъ угрожаетъ государству опасностью лишиться авторитета и повиновенія не изъ страха только, но и по совѣсти. Для человѣческаго сознанія, развитаго христіанствомъ и сжившагося съ признаніемъ неотъемлемыхъ правъ личности, уже недостаточно, въ качествѣ прочной связи государства, одной внѣшней силы и порождаемаго ею подчиненія. Подобной силѣ всегда могутъ быть противопоставляемы формальныя права личности, въ которыя безъ установленнаго общеобязательнаго образца люди въ зависимости отъ своихъ стремленій и данныхъ обстоятельствъ могутъ вкладывать то или другое конкретное содержаніе. Мы видимъ, какъ часто въ наше время именно на этой почвѣ запутываются правительства и законодатели. Ихъ дѣятельность, то бываетъ лишена твердой устойчивости, то выходитъ какой то растерянной, въ ней чувствуется какъ бы начало паралича, а все это, конечно, еще болѣе подрываетъ значеніе государства.

Послѣ христіанства людямъ уже трудно затѣмъ примириться и съ свойственнымъ древнему міру признаніемъ за государствомъ верховнаго начала всего, передъ которымъ теряетъ всякое значеніе отдѣльный человѣкъ.

Въ качествѣ противодѣйствія подобнымъ направленіямъ возникаютъ анархическія идеи, разрушающія государство и стоящія въ связи съ распространеніемъ въ народныхъ массахъ индивидуализма и его крайнихъ выводовъ.

отдастъ дань общему направленію свободныхъ мыслителей—всюду нск. ть вредъ отъ религіи—и обнаруживаетъ полное отсутствіе безпристрастнаго отношенія къ вопросу.

Христіанская религія, какъ мы обращали вниманіе, именно и отвергаетъ двусмысленную сантиментальность, возникающую на почвѣ неопредѣленнаго гуманизма. Оно даетъ ясный конкретный образецъ нравственности, предохраняющій ее отъ вырожденію въ двусмысленный гуманизмъ, появленіе котораго вызвано не христіанствомъ, а какъ разъ разрывомъ связи съ нимъ. вмѣстѣ съ христіанствомъ изъ людей улетаетъ духъ, оживляющій свойственныя имъ нравственныя требованія, и остается одна пустая форма нравственности, но съ одной этой формой, какъ полагается сама жизнь, государство далеко не уйдетъ по пути прогресса.

Для сохраненія за государствомъ подобающаго ему значенія въ современной культурной жизни и отнятія почвы къ развитію враждебныхъ государству теченій мысли и дѣйствій стали стремиться къ уравниванію формальныхъ правъ людей. Если это стремленіе и оказывается въ нѣкоторыхъ случаяхъ полезнымъ, то полагать его въ основаніе государственной жизни едва-ли соотвѣтствуетъ всѣмъ задачамъ государства, обусловливаемыхъ потребностями народа.

При установленіи этихъ правъ государство принимаетъ на себя роль какой-то по своему распредѣляющей справедливости. Одинаковыми правами оно готово надѣлать каждого гражданина уже въ силу того, что онъ подходитъ подъ отвѣченное понятіе человѣка. Конкретное же содержаніе его личности отступаетъ на второй планъ, какъ будто въ государственной жизни оно имѣетъ второстепенное значеніе и въ ней дѣйствуютъ не живые люди съ ихъ добродѣтелями и страстями, съ ихъ разными внутренними достоинствами и недостатками, съ ихъ разнообразнымъ духовнымъ развитіемъ, а какіе-то отвѣченные, во всемъ равные чело-вѣки!

Этотъ способъ уравниванія всякихъ людей въ правовомъ, т. е. общественномъ, отношеніи государство начало распространять и на область отношеній его къ религіи. Всѣ религіи, несмотря на ихъ разнообразное и не воспрещенное уголовнымъ закономъ нравственное содержаніе, государство объявляетъ для себя одинаковыми, лишь бы они подходили подъ образовавшееся у него общее понятіе религіи. Но такое направленіе въ устроеніи государства едва-ли способно надолго обезпечить за нимъ подобающее ему значеніе и поддерживать должное отношеніе его къ нравственнымъ началамъ жизни. Оно, конечно, разрываетъ и необходимую для блага государства связь его съ христіанствомъ. По свидѣтельству опыта, оно между прочимъ можетъ вести и къ тому, что государство легко надѣляетъ формальными правами среди другихъ и враждебныя ему силы, которыя, прикрываясь полученными правами, съ удобствомъ могутъ совершать свою разрушительную работу. Во всякомъ случаѣ этимъ путемъ государство едва-ли можетъ помѣшать, повидимому, уже начавшемуся въ чело-вѣчествѣ процессу разложенія государства и его идеи, о чемъ въ наше время иногда ясно

говорять разные факты къ жизни государствъ и легко воспринимаемыя народными массами нѣкоторыя теченія чело-вѣческой мысли.

Очевидно, государству, какъ и отдѣльнымъ людямъ, нужно хорошо помнить предупрежденіе Спасителя: „Кто не со Мною, тотъ противъ Меня, и кто не собираетъ со Мною, тотъ расточаетъ“ (Мат. XII, 30).

Итакъ государству въ интересахъ самосохраненія, развитія своего могущества и удовлетворенія важнѣйшихъ духовныхъ потребностей людей необходимо поддерживать связи съ христіанствомъ.— Но какъ же этого достигнуть?

До сихъ поръ мы прошли нѣсколько по тѣмъ главнымъ путямъ, которыми чело-вѣческая мысль, теряющая опору въ христіанствѣ, пыталась связать государство и религію. На нихъ, какъ мы видѣли, не было достигнуто положительныхъ результатовъ. Поэтому уже во всякомъ случаѣ не слѣдуетъ держаться этихъ путей, осужденныхъ жизнью. Людямъ, не имѣющимъ твердаго критерія, свойственно заблуждаться, по повторять въ государственной дѣятельности, уже очевидныя заблужденія другихъ,—это значитъ или обнаруживать крайнюю ограниченность кругозора или слишкомъ мало заботиться о благѣ государства.

Теперь послѣ уроковъ, данныхъ исторіей, еще болѣе ясно, что ни отдѣльные лица, ни цѣлыя государства, не могутъ по своимъ соображеніямъ передѣлывать христіанство и самимъ создавать его въ какомъ-то особенномъ видѣ, независимомъ отъ того, какимъ оно явилось въ исторіи. Подобная религіозная дѣятельность со стороны государства не свойственна ему по природѣ, да и развѣ она можетъ прости-раться на самое главное въ христіанствѣ, на его духъ, на принесенный имъ новый процессъ жизни? Въ этомъ-то пунктѣ особенно ясно и обнаруживается предѣлъ способности государства совершать преобразованія христіанства.

Христіанская жизнь и его духъ могутъ развиваться въ чело-вѣчествѣ установленными способами, и во всякомъ случаѣ—лишь преемственно отъ его источника, путемъ непосредственной передачи изъ поколѣнія въ поколѣніе и черезъ нравственно-духовное взаимообщеніе. На подобную же роль само государство, кажется, никогда еще и не претендовало.

Изъ заимствованныхъ у христіанства разныхъ положеній

и заповѣдей государству, какъ и отдѣльнымъ лицамъ, не трудно составить ту или другую религіозную теорію и написать ее на своемъ знамени, но вѣдь это еще не значитъ установить христіанство, какъ оно явилось, и поддерживать въ немъ должную нравственно-духовную связь съ его источникомъ.

Мы уже говорили, что Основатель христіанства для храненія его со всѣми его особенностями учредилъ Церковь, какъ конкретную коллективную форму христіанства, какъ объединенный христіанской жизнью организмъ, растущій на протяженіи вѣковъ и содержащій въ себѣ сѣмена и конкретные образцы этой жизни. Чтобы быть настоящимъ христіаниномъ, наполниться христіанскимъ духомъ и жизнью, необходимо, живое участіе въ этой общей христіанской жизни.

Къ этому источнику должно обратиться и само государство.

Въ интересахъ распространенія въ народѣ христіанства и поддержанія съ христіанствомъ должной связи государству необходимо отказаться отъ суверенитета въ религіозной области, не устанавливая по одному своему усмотрѣнію требованій нравственности и религіозной вѣры, вообще разоблачаться отъ своего величества и преклониться передъ христіанствомъ, какъ даннымъ ему, и притомъ въ его конкретной исторической формѣ, выражаемой Церковью.

Помимо всего другого государство само есть явленіе конкретное и могущественное. Поэтому противопоставить себѣ государство можетъ также лишь нѣчто конкретное, лишь то, что не менѣе его сильно по своей жизненности, а не какое-либо книжное ученіе или отвлеченную теорію. Выше было отмѣчено, что при возникновеніи реформации, разрушавшей церковное начало, для государства уже не оказалось того, съ чѣмъ оно могло бы считаться въ религіозной области, и что оно должно было подчинить себѣ эту область.

Только съ признаніемъ для себя необходимости и помощи столь сильнаго религіознаго общенія, какъ Церковь, государство можетъ содѣйствовать поддержанію нравственно-духовной жизни народа на извѣстномъ уровнѣ и спасти ее отъ вырожденія въ моральную анархію и крайній индивидуализмъ, способныя разлагающе вліять на само государство.

Только при этомъ условіи государство можетъ не стремиться къ какой-то неопредѣленной и неясной цѣли, по-

добно, наприм., древней римской имперіи, когда отъ сознанія этой давящей неопредѣленности многимъ становилось тяжело жить. Только въ связи съ должнымъ отношеніемъ къ Церкви государство можетъ понять и исполнить то, что выражено въ словахъ: отдавать Божіе—Богу, а кесарево—кесарю, и установить правильное отношеніе къ человѣческой личности. Однимъ словомъ, государство какъ таковое можетъ быть названо христіанскимъ не въ томъ смыслѣ, что оно изъ положеній общихъ разнымъ христіанскимъ исповѣданіямъ, или изъ оторванныхъ отъ нихъ кусковъ, придумываетъ особое христіанство, а лишь въ томъ смыслѣ, что оно признаетъ для себя все великое значеніе христіанской Церкви, признаетъ надъ собою высшую цѣль человѣческой жизни, указываемую Церковью, признаетъ установленный Церковью жизненный порядокъ и облегчаетъ ея существованіе во внѣшнемъ мірѣ, наприм., доставляя ей нужныя права и матеріальныя средства.

Глубокій русскій мыслитель покойный В. С. Соловьевъ, пришелъ къ заключенію, что государство, какъ и весь міръ, было спасено христіанствомъ, которое открыло ему истинную цѣль и смыслъ его существованія. По разъясненію В. С. Соловьева, разница между христіанскимъ и языческимъ государствомъ состоитъ въ томъ, что это послѣднее думало имѣть цѣль въ себѣ самомъ, и потому оказалось безцѣльнымъ и бессмысленнымъ. Христіанское же государство признаетъ надъ собою ту высшую цѣль, которая дается религіей и представляется Церковью, „и въ добровольномъ служеніи этой цѣли христіанское государство находитъ свой высшій смыслъ и назначеніе... Христіанство признаетъ за государствомъ положительную задачу и дѣятельный прогрессивный характеръ. Оно не только призываетъ государство къ борьбѣ съ злыми силами міра подъ знаменемъ Церкви, но требуетъ отъ него также, чтобы оно приводило въ политическую и международную жизнь нравственныя начала“... Въ христіанскомъ государствѣ, по утверженію В. С. Соловьева, находится все то, что было и въ государствѣ языческомъ, но „все это получаетъ иное значеніе, обновляется въ духѣ истины. Есть въ немъ и законъ, но не въ смыслѣ простаго указанія дѣйствительныхъ отношеній, а въ смыслѣ ихъ исправленія по идеямъ высшей правды. Есть верховная

власть, но не какъ обоготвореніе человѣческаго произвола, а какъ особое служеніе волѣ Божіей. Представитель власти въ христіанскомъ государствѣ не есть только обладатель всѣхъ правъ, какъ языческій кесарь,—онъ главнымъ образомъ есть носитель всѣхъ обязанностей христіанскаго общества по отношенію къ Церкви, т. е. къ дѣлу Божію на землѣ“¹⁾).

Историческій опытъ людей временъ римской имперіи хорошо подтверждаетъ, что государство, какъ уже было замѣчено выше, не можетъ дать изъ себя разумнаго смысла для человѣческой жизни и само нуждается въ полученіи его откуда-то извнѣ. Политическая жизнь для оправданія передъ разумной человѣческой природой сама требуетъ высшихъ принциповъ и цѣлей, которыя составляли бы ея движущее начало. Таковыми и должны быть хранимые Церковью христіанское воззрѣніе на міръ и человѣка, позволяющее государству смотрѣть на себя какъ на одно изъ средствъ способствующихъ достиженію высшихъ задачъ человѣческой жизни. Церковь по отношенію къ государству представляетъ изъ себя какъ бы огненный столбъ, освѣщающій шествіе народовъ по пути ихъ исторической жизни. Не забудемъ, что, если въ глубинѣ стремленій, направляющихъ государственную жизнь и дѣятельность, не будутъ лежать христіанскія начала, то все равно ихъ мѣсто займутъ другія, антихристіанскія, которыя скрыто и часто даже бессознательно для самихъ государственныхъ дѣятелей будутъ руководить ими. Христіанство слишкомъ близко человѣческой природѣ. Оно представляетъ изъ себя свойственный намъ процессъ жизни и захватываетъ человѣка въ самыхъ сокровенныхъ глубинахъ. Къ христіанству нельзя относиться враждебно и даже безразлично, чтобы такое отношеніе не отразилось на всей духовной жизни человѣка, на его основныхъ взглядахъ, стремленіяхъ и дѣйствіяхъ, какой бы области они ни касались. Отверженіе христіанства со стороны государства сопровождается потерей твердаго критерія въ сферѣ человѣческой жизни и нравственности. Въ немъ запутываются взгляды и отношенія къ человѣческой личности, происхо-

¹⁾ Собраніе сочиненій В. С. Соловьева т. III. Духовныя основы жизни ч. II. гл. III. Спб.

дить затемненіе различія добра и зла, и сосредоточеніе излишнихъ упованій на внѣшнія условія и порядки, которые къ тому же не только не соотвѣтствуютъ главнымъ духовнымъ потребностямъ человѣка, но и идутъ съ нимъ въ разрѣзъ. У руководителей общественнаго сознанія и въ народныхъ массахъ помрачается высшій смыслъ жизни и въ образовавшуюся такимъ образомъ въ ихъ душѣ пустоту начинаютъ лишь подъ новыми формами снова врываться чисто языческія понятія и стремленія по вопросамъ устройства государства.

Одинъ изъ сторонниковъ преобразования государства на новыхъ основаніяхъ съ полнымъ пренебреженіемъ христіанствомъ, очень характерно замѣчаетъ, что „государство бу душаго явится одновременно и императоромъ и папой“.

За отсутствіемъ прочныхъ руководящихъ основаній для жизни, людямъ, повидимому, въ концѣ концовъ ничего другого и не останется, какъ вернуться къ разрушенному христіанскимъ сознаніемъ убѣжденію, что государство и есть верховное начало всего. Берегись тогда нравственно — духовная свобода человѣка! Бѣги, снова жить въ пустыняхъ и подземельяхъ, гдѣ-нибудь подалеже отъ новаго цивилизованнаго государства, обвѣщаемаго нѣкоторыми современными ученіями!

Такимъ образомъ государству въ его собственныхъ интересахъ нужно не только не игнорировать Церковь, но и поддерживать съ нею нравственно духовную связь.

Но вѣдь христіанскихъ церквей нѣсколько, можетъ быть скажутъ иные!..

Во всякомъ случаѣ государство не можетъ принимать на себя миссіонерскихъ обязанностей и по своему усмотрѣнію, независимо отъ дѣйствительной церковной жизни народа, вводитъ ту или иную церковь.

Для сохраненія нравственно-духовныхъ связей съ Церковью государству необходимо держаться одной изъ церквей въ зависимости отъ условій его исторической жизни, состава населенія и т. п.

Отнюдь не слѣдуетъ думать, что христіанскія исповѣданія различаются лишь внѣшнимъ образомъ, какими либо неважными особенностями, имѣющими значеніе только для людей узкихъ, а не для лицъ съ широкимъ пониманіемъ

дѣла. Въ основаніи, напр., православія, католичества и протестантства лежатъ разные принципы церковной жизни, у нихъ во многомъ неодинаковы и направленія и даже самое пониманіе путей нравственно духовнаго развитія человѣка. Истинный православный и истинный католикъ отличаются не только тѣмъ, что одинъ вѣритъ въ папу и повторяетъ въ символѣ вѣры *filioque*, а другой этого не дѣлаетъ, но они различаются и тѣмъ, что у православнаго и католика, какъ выражаются св. отцы, неодинаковое устройство души, ихъ нравственно-духовная жизнь развивается и протекаетъ неодинаково.

Еще болѣе это различіе обнаруживается обыкновенно между православнымъ и протестантомъ. Вообще тенденціи одного вѣроисповѣданія нерѣдко почти противоположны тенденціямъ другого, какъ это, напр. особенно ясно при сопоставленіи католичества и протестантства ¹⁾.

Если католицизмъ требуетъ и даже готовъ довольствоваться однимъ пассивнымъ подчиненіемъ авторитету церковной власти, то протестантство наоборотъ мѣркой въ религіозной жизни дѣлаетъ cadaquo чековѣка, и этотъ принципъ, какъ свидѣтельствуя нѣкоторыя современныя явленія въ протестантствѣ, начинаетъ приводить къ тому, что многіе создаютъ почти уже свое собственное христіанство.

Такимъ образомъ поддержаніе со стороны государства нравственно-духовной связи одновременно съ католицизмомъ и протестантствомъ едва ли возможно даже логически. Это значило бы ввести противорѣчіе въ свои дѣйствія и приготовить для себя возможность нерѣдко совершенно запутываться въ религіозныхъ и даже духовно-нравственныхъ вопросахъ. Во многомъ такое одновременное признаніе католичества и протестантства напонимало бы стремленіе соединить воду и огонь.

1) Желающимъ разъяснить себѣ различіе между православіемъ, католичествомъ и протестантствомъ необходимо обратиться также ко II тому сочиненія Алексѣя Степановича Хомякова Рѣдкій религіозный философъ, едва ли не болѣе глубокой, чѣмъ В. С. Соловьевъ, человѣкъ съ огромнымъ образованіемъ, А. С. Хомяковъ въ нѣсколькихъ статьяхъ не только съ знаніемъ предмета, но и съ проникновеннымъ пониманіемъ его сути вскрываетъ важныя различія между христіанскими вѣроисповѣданіями

При такихъ условіяхъ, конечно, нечего и думать, чтобы государство для необходимаго ему руководства и опоры въ области религіозно-нравственной жизни могло держаться всѣхъ вѣроисповѣданій или образовать изъ всѣхъ ихъ какую-либо общую смѣсь. Единственнымъ выходомъ для государства остается нравственно-духовно связать себя только съ какимъ-нибудь однимъ вѣроисповѣданіемъ.

Въ Россіи такой церковью, безъ сомнѣнія, должна быть Православная. Она, такъ сказать, съ колыбели вскормила русское государство, своей духовной и объединяющей силой она способствовала его развитію и спасала въ самыя тяжелыя времена, когда казалось, уже наступала его погибель.

Православная Церковь, по свидѣтельству историковъ, поддерживала, духъ русскаго народа, напр., въ долгіе годы татарскаго ига, не допускала русскихъ людей навсегда примириться съ своимъ подвластнымъ положеніемъ и содѣйствовала къ освобожденію отъ него ¹⁾. Православная же Церковь помогла сохраниться русскому государству и въ смутное время XVII вѣка. Недаромъ И. С. Аксаковъ, какъ представитель русскаго народнаго самосознанія, называетъ православіе „главной духовно-органической силой русской народности“. Человѣкъ, глубоко любившій Россію, съ умомъ способнымъ думать самостоятельно и не отдаваться рабски разнымъ постороннимъ теченіямъ, И. С. Аксаковъ часто разъяснялъ, что русская народность немыслима внѣ православія, что православіе есть тотъ, духовно-историческій элементъ, подъ воздѣйствіемъ котораго сложилась и образовалась русская народность, что тщетны всѣ попытки выдѣлить изъ идеи русской народности идею православія, выкачать, такъ сказать, изъ нея разными насосами самый воздухъ и создать изъ этого обездушеннаго матеріала какую-то новую политическую русскую народность ²⁾.

Многіе представители русской интеллигенціи, по обыкновенію убоявшіеся недовольства антихристіанскаго духа времени и ходячихъ безсознательныхъ упрековъ въ отсталости,

¹⁾ Рѣчь профессора В. О. Ключевскаго „Значеніе пр. Сергія Радонежскаго для русскаго народа и государства“ Богословскій Вѣстникъ. 1892 г. № 11

²⁾ Сочиненія И. С. Аксакова. т. IV. Общественные вопросы. Спб 1903 г. стр. 40—41

конечно, поспѣшили отречься отъ солидарности въ этомъ съ Аксаковымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ на Западѣ въ Галле раздалось слово нѣмецкаго ученаго, профессора Овербека, который объявилъ такую тѣсную связь православія и русской народности громаднымъ преимуществомъ Россіи, обещающимъ ей великую будущность.

Итакъ русскому государству для собственнаго блага остается только не разрушать установившуюся всей его исторіей связь съ Православной Церковью, произведя лишь нужныя измѣненія въ порядкахъ выраженія этой связи.

Вступая въ нравственно-духовныя отношенія съ православной Церковью, государство показываетъ этимъ, что оно стремится быть религіознымъ. Но это вовсе не значить, какъ желаютъ думать нѣкоторые, что государство образуетъ изъ православія свою государственную религію, напр., по способу Томаса Мора или Руссо, когда религія возводится на степень чисто государственнаго закона и принудительно обязательна для гражданъ. Государство, желая сохранить связь съ религіознымъ началомъ въ его конкретной формѣ, выраженной Церковью, отнюдь не вводитъ этимъ и возникшую во времена реформаціи территориальную систему отношеній церкви и государства, по которой церковь разсматривается, какъ часть государства.

Н. Кузнецовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ)
